

В ПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

ЖАУМЕ КАБРЕ

Ваша честь

Романы Кабре
относятся к категории книг,
чье содержание и отточенный,
изобретательный стиль
завораживают читателя.

*Лоран Мовинье.
Le Monde des Livres*

Оглавление

Книга первая
ПОД ЗНАКОМ ОРИОНА

Книга вторая
СМЯТЕНИЕ ПЛЕЯД

Книга третья
БЛУЖДАЮЩИЙ ПЛУТОН

БОЛЬШОЙ
РОМАН

ЖАУМЕ КАБРЕ

Ваша честь

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

Jaume Cabré
SENYORIA
Copyright © Jaume Cabré, 1991
All rights reserved

Перевод с каталанского Александры Гребенниковой

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Кабре Ж.

Ваша честь : роман / Жауме Кабре ; пер. с каталан. А. Гребенниковой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-19600-1

16+

Роман выдающегося каталонского писателя Жауме Кабре «Ваша честь» (1991) был создан задолго до его знаменитого «Я исповедуюсь». Но уже тогда писателя волновала тема сильных мира сего, судебной коррупции и абсолютной власти, для которой существует лишь право сильного.

Зима 1799 года. В Барселоне не прекращаются дожди, город кажется парализованным, и тем не менее светская жизнь в самом разгаре. Кажется, аристократов заботит лишь то, как отпраздновать наступление нового, девятнадцатого века. В кафедральном соборе исполняют *Te Deum*, а в роскошных залах разворачивается череда светских приемов... Но праздничную атмосферу омрачает странное убийство французской певицы. Арестован молодой поэт, случайно оказавшийся «не в то время не в том месте». Он безоговорочно признан виновным, тем более что у него обнаружили документы, которые могут привести к падению «вашей чести» — дона Рафеля Массо, председателя Верховного суда. Известно, что у этого человека, наделенного властью казнить или миловать, есть одна слабость: он обожает красивых женщин. Так что же перевесит: справедливость или власть, палач или жертва, «Я ее не убивал!» одного или «Я этого не хотел» другого?..

Впервые на русском!

© А.С. Гребенникова, перевод 2021

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство ИНОСТРАНКА®

Маргарите

За спиной общества дремлет закон.

Э. М. Форстер¹

Закон есть собрание произвольностей,
заклученных в Кодекс
и освященных обычаем каждой эпохи.
Он создан для профессионалов.

Рафель Массо

Где есть закон, найдется и лазейка².

¹ Цитата из романа английского писателя Эдварда Моргана Форстера (1879–1970) «Морис».

² Каталонская пословица.

Книга первая

Под знаком Ориона

Созвездие Орион выпала честь считаться прекраснейшим на небесном своде. Оно представляет собой гигантский четырехугольник, широко распростертый от севера к югу и более узкий от востока к западу. Самыми примечательными в нем являются шесть звезд. Одна из них — альфа Ориона, или Бетельгейзе, имя которой берет начало от арабского «Ибт-аль-джауза», что означает «Подмышка великана». Это красная и очень яркая звезда. Бета Ориона получила название Ригель; это бело-голубая звезда, как и гамма Ориона, также известная под именем Беллатрикс, или Воительница. Однако жемчужины сего небесного собора хранятся в кушаке исполина — это двойные звезды, а также в его ножнах, где покоится таинственная туманность, или галактика, обнаруженная Гюйгенсом³, которой никогда не устанет любоваться глаз человека. Неукротимая фантазия древних цивилизаций усмотрела в астеризме этого созвездия легендарную фигуру мифологического персонажа: охотника, преследующего Плеяд. Глядя на звезды в осеннем небе ночной Барселоны, мы можем предаваться мечтаниям, воображая, что, спасаясь от Скорпиона, Орион нагоняет Плеяд, но на него нападает Телец. Как не поддаться очарованию этой сказки? Однако на самом деле все это поэтические изыски: созвездие, бесспорно, состоит из гигантских звезд, и существует вероятность, что они не имеют друг к другу никакого отношения. Выходит, наша прекрасная история может оказаться просто-напросто оптическим обманом. И все же подчас воображение служит для того, чтобы сделать действительность более удобоваримой.

«Трактат об основах наблюдения
за небесными телами»
Жасинт Далмасес. Барселона, 1778

³ Зейлихем Христиан ван Гюйгенс (1629–1695) — голландский механик, физик, математик, астроном и изобретатель. Член Французской академии наук с момента ее основания в 1666 году и ее первый президент. В области астрономии: открыл кольца Сатурна и его спутник Титан, изучил и дал систематическое описание Большой туманности Ориона, открытой ранее, в 1610 году, французским астрономом, антикваром, энциклопедистом Никола-Клодом Фабри де Перейском (1580–1637).

1

Он улыбнулся. Целых два года он не улыбался. Его честь улыбнулся, прикрыв ладонью левый глаз, не отрываясь правым от телескопа. Казалось, он повстречал давнего друга: впервые за всю дождливую осень он приступал к наблюдению за звездным небом, в тот вечер чудно безоблачным. Он уже год не видел туманности Ориона и соскучился по его волшебному ядру, состоящему из четырех звезд, которые, по словам месье Галлея⁴, с головокружительной скоростью удаляются друг от друга, словно в порыве ненависти. Словно на небе есть ненависть. Всякий раз, когда дон Рафель Массо-и-Пужадес, председатель Королевского верховного суда, или же Аудиенсии⁵, провинции Барселона, наблюдал за движением небесных тел, его охватывало чувство собственного бессилия, ничтожества и боязни неизвестного, ведь звезды и тончайшие облака, до которых при взгляде в окуляр, казалось, рукой подать, были от него невозможно далеки, неприступны, безмолвны, недосыгаемы и загадочны. Внезапно на дону Рафеля нахлынуло воспоминание: «Эльвира, бедняжка моя», и улыбка исчезла с его лица. Он тряхнул головой, чтобы отогнать это воспоминание, и темноту сада огласил вздох. Председатель Верховного суда выпрямился и достал из рукава кружевной платочек. Он осторожно высморкался. Созерцание звездного неба в ночном саду неизбежно заканчивалось для судьи насморком, несмотря на то что на нем были надеты парик, треуголка и плащ. При взгляде невооруженным глазом

созвездие Орион показалось ему как никогда родным. Дон Рафель убрал платочек в рукав, нагнулся, чтобы снова поглядеть на обожаемую туманность, и подавил желание выругаться, увидев, что она уже исчезла из поля зрения телескопа. Высунув язык, он добрую минуту провозился, чтобы вернуть беглянку. Донья Марианна предупреждала, что он простудится, и, как всегда, оказалась права. Однако он не пожелал упустить удобный случай, ведь в тот вечер, впервые по прошествии тьмы дней, ознаменованных облачностью — заклятым врагом астрономов, небо Барселоны открывалось ему во всей красе, бесстыдно сияя полным набором доступных взору осенних звезд. Собственно говоря, астрономом дон Рафель не являлся. В молодости, когда замысловатый, странный и таинственный мир законов начал овладевать его воображением, он любознательно присматривался ко всему, что его окружало, и завел знакомство с известными учеными, как, например, дон Жасинт Далмасес, который и приобщил его к астрономии. Он провел уйму бессонных ночей, тщетно пытаясь разгадать двойственную природу звезд в созвездии Лира — до чего несподручно наблюдать за созвездием Лира, почти всегда в зените! — или суматошной и радостной погони, которую Ганимед, Ио, Европа и Каллисто — словно они в догонялки играют — затеяли вокруг своей вечной няньки — ленивого исполина Юпитера с таинственным глазом в животе, как у космического Полифема. В юности дон Рафель с интересом следил за публикациями месье Галлея и в течение некоторого времени рассказывал знакомым, что намеревается стать астрономом. Но действительность берет свое: будучи уже без пяти минут адвокатом, он заключил, что нет резона бездумно пускаться по ветру многие годы, проведенные в изучении кодексов, канонов, законов и приговоров. Дон Рафель

получил диплом юриста, женился и утратил привычку посвящать бессонные ночи безмолвной тайне звезд. Время от времени он отдавал приказание вынести телескоп в сад и предавался мечтаниям, потому что по природе своей не находил ни в чем удовлетворения. Он завидовал чужому положению в обществе и богатству, красоте чужих жен, мудрости немногих избранных, благоразумию, встречавшемуся крайне редко, и счастью, которым не обладал практически никто. По этой причине жизнь нашего героя состояла из неутолимой жажды и тревоги неумного сердца, которые заставляли его мечтать, хоть он и не родился поэтом, влюбляться, хоть он и не годился в донжуаны, беспрестанно карабкаться по служебной лестнице по головам всех прочих и делать вид, что счастье заключается именно в этом. Однако все это было не чем иным, как отчаянной попыткой вслепую ухватить столь желаемое счастье. Самое ужасное, что достичь его дону Рафелю так и не удавалось. И в минуты искренних раздумий он понимал, что неизменно остается от всего на полдороге. Подобно Юпитеру. Почтенный судья во многом ощущал свое сходство с этим небесным гигантом, который был слишком велик, слишком полон амбиций, слишком объемён для твердотельной планеты, но и слишком мал, слишком бессилён для того, чтобы стать самодостаточной звездой, полной огня, энергии и света. И так же, как Юпитер, он не мог обойтись без спутников.

— Что ж такое, опять она от меня ускользнула, — пожаловался дон Рафель бесконечным просторам Вселенной. В это мгновение он услышал шаги и увидел неясные отблески. — Погаси лампу, Ипполит! — упрекнул он приближающийся источник мигающего света.

— Госпожа велела, чтобы я вам сказал, что пора уже, — раздался голос невидимого камердинера.

— Да иду, иду я, что ты!

Он снова склонился над телескопом. И в раздражении убедился, что туманности и след простыл.

— Госпожа велела, — продолжал настаивать из тьмы Ипполит, — чтобы я вам сказал, что уже пробило восемь. И что перед концертом вам надобно парик переодеть.

— Оставь меня в покое, — сухо проворчал судья.

И не сдвинулся с места до тех пор, пока не почувствовал, что раздражение, вызванное вмешательством слуги, отпустило его. Однако внутреннее спокойствие, необходимое для наблюдения за движением небесных тел, испарилось. Все еще несколько разгневанный, он направился к дому, в потемках, спотыкаясь о каменные скамейки и о собственные мысли, потому что на несколько мгновений, как мимолетное видение, перед ним вновь предстал образ Эльвиры.

Во дворце маркиза де Досриуса, на улице Ампле⁶, собирались сливки барселонского общества эпохи Бурбонов⁷: военные, блюстители закона, инженеры, государственные служащие, преуспевающие коммерсанты, местные и приехавшие из других краев политики, попадались и французы, потерявшие последнюю рубаху в буряне революции и нашедшие убежище в соседнем государстве, недоверчивом и перепуганном. Все эти господа, будучи людьми высочайшего бескультурья, собирались там, чтобы присутствовать при исполнении музыкальных произведений (чтобы слушать музыку, им пришлось бы сделать над собой вовсе немислимое усилие) или зевать под звуки александрийских стихов («И сердце с той поры одною мезтью дышит...»⁸) в исполнении приглашенного стихотворца.

Дон Рафель любил, когда его приглашали к маркизу де Досриусу, поскольку маркиз, будучи внимательным блюстителем добрых традиций, по-прежнему хранил обычай, согласно которому дворецкий объявляет имена гостей. Дону Рафелю нравилось слышать: «Его честь дон Рафель Массо-и-Пужадес, председатель Королевской аудиенсии провинции Барселона, с супругой». Дон Рафель бросил дежурный взгляд на благоверную, донья Марианна в свою очередь посмотрела на него, и вместе они вошли в огромную гостиную, с которой не могла сравниться в роскоши ни одна другая гостиная на улице Ампле, предмет зависти барселонской знати, большой зал дворца маркиза де Досриуса. Кружкам гостей, убивавшим время тем, что под сурдинку перемывали косточки всем подряд, прибытие четы Массо дало новую тему для разговоров. («Видали? Дон Рафель с каждым днем все больше похож на вопросительный знак»; «как он усох и скрючился»; «а говорят, в делах преуспевает»; «это еще бабушка надвое сказала»; «к чему это вы?»; «ах, я бы вам такого могла порассказать...») А супруги Массо, не обращая на них ни малейшего внимания и расточая улыбки направо и налево, направлялись напрямик к центральному камину, где дон Рамон Ренау, престарелый маркиз де Досриус, в новеньком, по последней венской моде серебрястом парике, прикрыв пледом ни к чему не пригодные ноги, привечал гостей, сидя в хитроумном кресле на колесах, которое позволяло ему передвигаться, не прилагая усилий. За спиной старика-маркиза ждал приказаний бесстрастный, непроницаемый Матеу. Маркиз, пользовавшийся славой самого бесцеремонного аристократа в Барселоне, при виде новоприбывших побряхтел и ткнул его честь в живот концом трости, с которой никогда не расставался:

— Ну как оно там, дон Рафель?

— Превосходно, сеньор маркиз.

Супруги склонились в глубоком поклоне.

— Ступайте обо мне сплетничать, — указал он в сторону прочих своих гостей, поговорив с четой Массо несколько секунд, — мне пора с другими здороваться.

Повинуясь, супруги направились к одному из кружков, чтобы присоединиться к общему разговору. Судя по резкой перемене темы, судачили там как раз о них. «Добрый вечер, барон, баронесса, ваша честь, дон Рафель», улыбки, приветствия, целование рук, вздохи, «как поживаете?»; «Вы не знаете, а удостоит ли нас своим присутствием генерал-капитан?» — «Насколько мне известно, да, господин барон»; и этот мимолетный взгляд служителя Фемиды на роскошную грудь баронессы доньи Гайетаны, бывает же такое... С тех пор как вышли из моды огромные кринолины, дону Рафелю стало гораздо проще подходить к дамам поближе, чтобы заглянуть в декольте, — просто захватывающее дух приключение. У донна Рафеля вспотели ладони, как случалось в последнее время всякий раз, когда он оказывался в обществе доньи Гайетаны, «чтобы забыть твое личико, Эльвира, бедняжечка».

— Я слышал, — говорил барон де Черта, не имевший представления о прелюбодейных мыслях его чести, — что у этой женщины изумительный голос.

И его глаза беспокойно забегали, как будто он искал чьей-то поддержки.

— Нужно самим поглядеть и решить, — высказалась в защиту объективного суждения донья Гайетана из глубин своего музыкального невежества.

— Или, скорее, нужно послушать, — с поклоном проговорил дон Рафель, скрывая дрожь в голосе.

Все вокруг залились грациозным смехом и несколько оттаяли.

Дворецкий продолжал объявлять имена, гости снова шептались; известный ученый дон Жасинт Далмасес,

который постоянно вращался в кругах, ему не подобающих, склонился в скромном поклоне; а поцелуй руки красивой дамы опять продлился на мгновение дольше необходимого, и судья снова вздохнул, поскольку бюст любой из женщин казался ему гораздо более многообещающим, чем у доньи Марианны. «Ах, Эльвира! Как так случилось?..» И раздумья дон Рафеля разбились на тысячу осколков, поскольку доктор Пере Малья, признанный всезнайка, присоединился к их кружку и сообщил, что ему доподлинно известно, что де Флор выступала перед самим Керубини⁹ и тот был в восторге от ее таланта.

— Я же вам говорил, — торжествовал де Черта, — великая певица.

— Сгораю от желания ее услышать, — соврал дон Рафель, который в тот вечер, раз уж ему категорически не дали поглядеть на звезды, был скорее равнодушен ко всему, кроме персей, особенно принадлежащих молодой баронессе.

— Кстати, — нетерпеливо топнула каблуком какая-то важная персона, — когда же начнется концерт?

— Когда старикашке Ренау заблагорассудится, — ответил де Черта, и дамы благосклонно улыбнулись.

А дон Рафель подумал: «Какой же ты болван, Черта. Ты ее недостойн». Все помыслы его чести, хоть он и слышал, о чем говорят окружающие, были о белоснежных зубах и влажных, улыбчивых губах доньи Гайетаны, чьим очарованием дон Рафель проникался с каждым днем все больше. В минуты искренности перед самим собой судья злился, что эта женщина с такой легкостью заставляет других мужчин улыбаться ей на глазах у косоглазого тупицы-мужа. «Гайетана, любовь моя, ради тебя я готов на безумства».

— Не сомневаюсь, — слугитель правосудия украдкой обернулся, прикрывая нос кружевным платочком, — что

дедуля Досриус хочет раздражить нас, прежде чем бросить нам... лакомый кусочек.

— Ну уж нас-то ему раздражить не удастся, — заявил барон.

Все они отошли к стене, поближе к окнам, выходящим на улицу Ампле. Там, под портретом второго в роду маркиза Досриуса, изображенного под ручку с пышной и, по всей видимости, необъятной сеньорой, единолично символизирующей всю бурбонскую монархию, кавалеры оставили дам, которые устроились на стульях и стали беседовать о платьях и прическах, и вернулись в центр гостиной, куда их привлекло замечание доктора Далмасеса, самого образованного и неблагонадежного человека во всей компании: никаким дворянским титулом он похвастаться не мог, но постоянно вращался в аристократических кругах, ходили слухи, что он симпатизирует французским революционерам или каким-то там энциклопедистам, а «кстати, говорят, что он еще и, эт-самое, масон, уж я-то точно знаю». Итак, доктор Далмасес, размышляя вслух, заявил, что нет инструмента прекраснее человеческого голоса.

— Данного нам Богом, — уточнил дон Рафель.

— Без всякого сомнения, дон Рафель, — согласился доктор Далмасес, который не особенно верил в Бога, но диспут затевать не хотел. — Вы были на концерте в День Всех Святых?¹⁰

А вот и нет, оказалось, что никто на этот концерт не ходил, потому что в театр слушать музыку ходит лишь тот, кто ею живет и дышит; а у маркиза де Досриуса, или маркиза де Картели, или даже в самом дворце музыка звучала для тех, кого занимало совсем другое. Доктор Далмасес понял, что ему придется рассказывать о концерте, состоявшемся в День Всех Святых, донельзя равнодушной публике:

— Две пьесы месье Керубини и струнный квартет, понимаете, а потом пьеса некоего ван Бетховена, который, видимо, учился у Гайдна¹¹, потому что очень мне его напомнил. Кстати, вам знакомо это имя?

— Чье? — рассеянно спросил упустивший нить разговора дон Рафель.

— Этого голландца, ван Бетховена?

— Нет. Первый раз слышу.

Хирург доктор Малья, проводив супругу на отведенное ей место, присоединился к ним с любезной улыбкой. Улыбка эта стала еще шире, когда он поклонился всеми ненавидимому председателю Аудиенсии. Поскольку, без сомнения, во всем этом кружке никто другой не внушал бóльшую зависть, ненависть и страх: дон Рафель был невероятно влиятелен, несговорчив и продажен, а на этих трех качествах обычно и строилось резюме власть имущих в те благословенные годы. Продолжая улыбаться, доктор Малья беззвучно поприветствовал остальных, после чего ему пришлось признать, что он, честно говоря, слыхом не слыхивал ни о каком ван Бетховене. Не слыхал о нем никто, и доктор Далмасес, который гораздо лучше их всех разбирался в музыке, объяснил в заключение, что этот голландец во многом хорош, но в нем чувствуется подражание гениям, вроде Керубини или Сальери¹², и все были полностью согласны: «Куда ему, этому Фанбехоффену, или как там его зовут».

На самом деле к доктору никто особенно не прислушивался. В этот момент в гостиную вошел генерал-капитан, губернатор провинции, и взгляды всех присутствующих, включая дону Рафеля, будто дикие осы, устремились на него, с завистью и страхом. Вечер начинался взаправду. Гости заполнили зал, и четверо или пятеро слуг расставляли стулья и диваны таким образом, чтобы на них могли удобно устроиться все тридцать с небольшим приглашенных. Подъехав к

фортепьяно цвета зеленого яблока, в обществе разодетого в пух и прах губернатора, маркиз де Досриус постучал тростью об пол, чтобы все замолчали. В глубине зала подпирали стенку несколько беспокойных, наряженных в странные костюмы юнцов, не удосужившихся даже для приличия надеть парики, — ужасное зрелище. Юноша с тревожным взглядом и светлыми кудрями, к примеру, выглядел в своей одежде крайне незавидно, почти как мастеровой. Но очевидно, попасть сюда он мог только благодаря своему спутнику, низенькому, в элегантном костюме, черноволосому и горбоносому молодому человеку, со свертком в руке. Кудряш подтолкнул приятеля локтем:

— А ты почему не играешь сегодня, Нандо?¹³ Давай я объявлю, что ты сыграешь?

— Даже не вздумай.

В дверном проеме с другой стороны зала появилась крупная, неохватная, грандиозная женщина, что подтверждалось не столько ее конкретными размерами, сколько величественным видом и осанкой. Мари дель Об де Флор, Орлеанский соловей, сделала глубокий реверанс маркизу *aussi grincheux*¹⁴, потом еще один, строго отмеренный, — губернатору и слегка поклонилась всей прочей публике. Чтобы всем было ясно, кто тут платит. В этот момент многие заметили, что за спиной необъятной сеньоры нарисовался словно из ниоткуда незаметный человечек, невзрачный, одетый во все серое, с окладистой бородой, неуверенной походкой и печальным взглядом, которого, хотя об этом никто и не знал, звали месье Видаль. Он тихонько примостился перед фортепьяно с очевидным намерением ожидать приказаний. Гости маркиза понемногу перестали хлопать, и певица, пробурчав пианисту нечто угрожающее, улыбнувшись публике и деликатно прокашлявшись, набрала воздуха и закрыла

глаза, чтобы вобрать в себя первые такты вступительной мелодии.

Большую гостиную дворца маркиза де Досриуса наполнила музыка. Ее волшебство заморозило гостей. Казалось, они застыли на полотне Тремульеса¹⁵ или Байеу¹⁶: стоящие мужчины, те, кто постарше, в париках, а кто помоложе, с непокрытой головой, сидящие женщины; все взгляды устремлены в одну точку. Перси девушек полны томленьем, глаза чуть увлажнены. Маркиз, слегка приподнявшись в инвалидном кресле, оперся на трость с серебряным наконечником. Генерал-капитан, в зачатке подавив зевету, погрузился в расчет окружности бюста певицы. В глубине зала, неподалеку от юношей, подпиравших стену, преображенный неподвижностью и барочной ливреей лакей казался высеченным из камня. На подзеркальнике, возле двери, своей очереди ждали блюда с закусками и напитками. А возле большого окна Мари дель Об де Флор, небрежно облокотившись одной рукой на фортепьяно и прижав другую к груди, как будто с тем, чтобы не дать сердцу вырваться в гостиную в погоне за любовью, выводила великолепное «*Je parlerai de mon tourment*»¹⁷ таким голосом, какого многие годы не слыхали в Барселоне. Маэстро Видаль касался клавиш ласково и страстно. В его глазах стояли слезы, кто знает, по причинам ли строго профессионального характера, или же оттого, что знойный и чувственный голос волновал его так же, как и кудрявого юношу по имени Андреу. Андреу всегда казалось, что за волшебством чудесного голоса скрывается любовный пыл. Околдованный звуками арии, он был уже влюблен в де Флор. Андреу сжал руку друга, а тот улыбнулся: он знал своего приятеля как облупленного и уже догадался, что с ним творится.

По окончании последней арии концерта Мари дель Об де Флор наступило удивленное, неудовлетворенное молчание. Гости ждали, когда маркиз де Досриус

начнет хлопать, но тот, во власти отзвуков волшебного голоса, словно застыл на месте, с горящим взглядом опершись на свою трость. Музыка была единственной силой, способной околдовать обычно бесцеремонного аристократа. Сидевший подле него губернатор, который начал клевать носом еще между четвертой и пятой арией, делал над собой сверхчеловеческое усилие, чтобы не взять инициативу на себя; хоть он и был среди присутствовавших самым значительным лицом, сколько бы маркизов, графов и баронов в нем ни собралось, поскольку генерал-капитан, так сказать, — всегда Важная Персона, Персона с Большой Буквы, все же, согласно этикету, первым аплодировать полагалось амфитриону, и губернатор следовал протоколу, словно указу. Де Флор, не особенно привыкшая к тому, чтобы вокруг нее царил молчок, в некотором недоумении вздохнула, чтобы дать понять, что концерт окончен. Вздох певицы вывел маркиза из оцепенения. Он ударил тростью об пол, и все с облегчением начали хлопать. Ох, нелегко же им дались злосчастные три-четыре секунды.

— Что скажешь, Нандо?

— Еще хочу.

— Так предложи подыграть ей на гитаре.

— Что ты, маэстро Видаль может обидеться. Да и фортепьяно тут гораздо уместнее.

Де Флор снова склонилась в реверансе, послала тридцать воздушных поцелуев, набрала воздуха и на невероятной смеси французского, итальянского, перенятого у месье Видаля каталанского и недоученного испанского языков объявила, что ей хотелось бы исполнить какой-нибудь *шансон*¹⁸ под аккомпанемент даровитого *композиторе локале*¹⁹ Фердинанда Сортса, присутствующего сегодня в зале. Люди беспокойно переглянулись, поскольку никто из них понятия не имел, кто такой этот «даровитый *композиторе локале*» Фердинанд Сортс. Генерал-

капитан переспросил, о чем там толкует мадам: «Я не особо силен во французском». На что маркиз де Досриус пожал плечами и нетерпеливо постучал тростью об пол.

Не успело общее недоумение смениться ропотом, как Андреу подпрыгнул и вскричал: «Он здесь, он здесь! — и подтолкнул друга локтем. — Нандо, о тебе же речь ведут!» Сортс еще и глазом не моргнул, как Андреу уже схватил его под руку и потащил прямо к певице. Публика заахала: «Ах да, младшенький из семейства Сортс, ну-ну. „Даровитый композиторе“? Да он же сопляк еще, ах, ты смотри. Он же вроде уезжать куда-то собирался, этот паренек?» Де Флор увидела, что к ней направляются два юноши, и диве тут же приглянулся кудрявый блондинчик, сушная конфетка. Однако месье Фердинандом Сортсом оказался его приятель, чернявый и худощавый страшила с бакенбардами. Да и имя у него было какое-то другое, а вовсе не Сортс. Орлеанский соловей скрыла разочарование за любезным реверансом. Позволив растроганному Феррану Сортсу облобызать ее ручку, дива прислушалась к мужественному, звонкому, чарующему голосу мальчишка-конфетки, пытавшегося разъяснить, что композитора зовут Ферран Сортс. Де Флор беззастенчиво оглядела Андреу с ног до головы и сделала вид, что он ей неинтересен. Многие из присутствовавших недовольно поморщились при виде никому не знакомого кудрявого юнца, который и одеться-то прилично не в состоянии («и не говорите: неизвестно еще, как его вообще сюда пропустили»), а расхаживает по всему залу, будто он у себя дома. Несколько рассеянных сеньор похлопали «даровитому композиторе», окончательно успокоившись: «Ах да, это же Нандо Сортс, сразу и не поймешь эту даму. Так бы и сказала». А де Флор спросила пианиста:

— Вы не возражаете, месье Видаль?

— Вовсе нет, — давясь желчью, ответил музыкант, вставая со стула.

— Для меня большая честь... — пробормотал Сортс, крайне взволнованный. И передал сверток Андреу. — Не потеряй, я его должен кое-кому передать.

Андреу сжал его локоть:

— Давай, Нандо, покажи им, — и, к вящему неудовольствию де Флор, отошел к стене в глубине зала, со свертком, хранить который поручил ему друг.

Сортс сел за фортепьяно, и Мари дель Об де Флор объявила: «*D'abord, l'amour*»²⁰, ничуть не сомневаясь, что любой, кто берется ей аккомпанировать, должен знать весь ее репертуар назубок. Маэстро Видаль, которому, хотя виду он и не подал, такой оборот, без сомнения, показался весьма забавным, указал ему на ноты, лежащие на пианино. И чтобы оказать ему еще более ценную помощь, подмигнул и заговорщицки прошептал:

— *Adagio, molto lento*²¹.

Делая вид, что присаживается поудобнее, Ферран Сортс успел пробежать глазами первую страницу арии и подумал, что совет пианиста — полный абсурд. «Индюк напыщенный», — пробормотал он и бодро и уверенно заиграл *vivace*²². К пятому такту он успел удостовериться, что был прав. Все прошло как по маслу. Возможно, даже лучше, чем с маэстро Видалем. По окончании арии Сортс встал, и де Флор расцеловала оторопевшего юношу в обе щеки: на самом-то деле поцелуи предназначались его другу. Пока гремели аплодисменты, Сортс отошел в уголок. Рядом с ним стоял месье Видаль, и молодой человек воспользовался случаем, чтобы послать музыканта ко всем чертям.

— Пardon? Что вы сказали?

— Катитесь вы куда подальше.

Не успел пианист отреагировать, как де Флор уже снова позвала к себе юного «*композиторе локале*»,

чтобы публика отблагодарила его бурной овацией.

— Вы славный музыкант, *mon cher*²³, — сказала она.

Слуги меняли уже далеко не первую из двухсот свечей в двадцати пяти канделябрах зала. Мари дель Об де Флор смеялась, а за ней, как привязанные, ходили Сортс-младший и Андреу, не сводивший с певицы благоговейного взгляда. Все трое, в обществе молчаливого пианиста, доктора Далмасеса и еще пары гостей, пробовали изысканные кушанья, которыми маркиз потчевал присутствующих, чтобы всем стало ясно, что он способен предложить на своем ужине не менее аппетитные закуски, чем маркиза де Поластрон. Мари дель Об де Флор один за другим клала в рот горячие крокеты и пожирала глазами взволнованного Андреу, пока приятель его тщетно разыскивал среди гостей адвоката Террадельеса, «а ведь тот ни одного концерта не пропускает». В конце концов юноша смирился с тем, что так ему и придется таскать с собой сверток весь вечер.

Генерал-капитан, глубоко заинтересованный декольте певицы, тщательно продумал, как лавировать с бокалом от одной группы к другой, и разработал осмысленную и четкую стратегию. Однако было ясно, что де Флор его избегала и предпочитала ему общество этого ничем не примечательного, тусклого, безынтересного и лишенного энергии юнца. Поскольку закатить скандал губернатор не мог, важнейшему представителю двора Бурбонов в Каталонии пришлось смириться с диктатом салонного этикета. Ему, рафинированному любителю экзотических женщин, придется не только обойтись без парижаночки, но и с заинтересованным видом выслушивать петицию какого-то нахала, который, с бокалом в руке, все твердил: «Соблаговолите, ваше высокопревосходительство...» Делая вид, что

раздумывает над ответом, генерал-капитан поклялся себе, что завтра или, в крайнем случае, послезавтра лягушатница²⁴ будет лежать у его ног. Нет, лучше у него в постели. Раз уж решил, так и будет, «ишь распустились».

В то же время его честь дон Рафель Массо испытывал иное затруднение. Необходимость помочиться возникла у него еще в середине концерта, а удовлетворить ее все не удавалось. Следуя путаным указаниям слуги, он забрел в темный коридор, в конце которого почуял спасительную вонь. Смрад доносился из плохо освещенной комнаты с дюжиной горшков, стоявших там и сям на полу. Трясущимися руками слугитель Фемиды разобрался со сложной системой подштанников, и наконец ему удалось утолить насущную потребность. Успокоившись, он некоторое время позевал с членом в руках, как будто царивший в комнате резкий запах наводил его на размышления. В последнее время, так часто, что это уже вредило здоровью, дон Рафель задавался вопросом, счастлив ли он на самом деле. И всегда приходил к скорее печальным выводам. Когда жизнь по прошествии скопления удач и поражений приносит человеку мир и спокойствие, можно заключить, что ты счастлив; но если настороженность, тревога в сердце, беспокойство о том, как бы разоблачить врага, который, вне сомнения, поджидает тебя, таясь за углом, становятся обычным делом и руководят тобой каждую минуту, это знак того, что счастье растаяло, как дым, и его не вернуть, оно утрачено навсегда. Почтенный судья отряхнул член и положил конец раздумьям с несколько унылым вздохом. Пока он застегивался, в комнату вбежал барон де Черта, мочевого пузыря которого, по всей видимости, готов был лопнуть.

— Похоже, от этих песен все чуть не уписались, — провозгласил он, увидев дона Рафеля.

Тот лаконично заметил: «И не говорите», но отвертеться от беседы не удалось.

— Такое впечатление, что нас отсюда не выпустят, пока губернатору не удастся вдоволь поволочиться за лягушатницей.

Дон Рафель не сказал в ответ того, что ему хотелось сказать, а именно: «Ничтожество ты, хоть и дворянин, а дворянином и я когда-нибудь стану». А когда де Черта деликатно отвернулся, чтобы помочиться, на дону Рафеля накатило еще большее к нему презрение, до чего же недостойн сей мерзавец своей жены; некоторые вещи в этом мире совершенно неправильно устроены, «ах, Гайетана моя!». Прелюбодейные мысли председателя Аудиенсии провинции Барселона и полные ужаса глаза Эльвиры, на мгновение представшие перед ним, отвлекли его, и он даже не расслышал, какой уверенной, веселой, а главное, бездумной струей мочился барон де Черта.

— Вы ничего не знаете о жизни, — заявила Мари дель Об де Флор, задирая юбки, расстегивая подвязки и так беззастенчиво стягивая белый чулок, что Андреу усмотрел в этом нечто непристойное.

— А вы?

Она только рассмеялась ему в ответ. Потом застыла в той же позе, с голой ногой, упираясь носками в табурет, и шаловливо погрозила пальцем Андреу.

— Как вы думаете, сколько мне лет? Ну-ка, скажите.

Андреу почесал кудрявую шевелюру, откуда мне знать, мадам... я вовсе не умею угадывать, и озадаченно улыбнулся, думая про себя: «Осторожно, Андреу, не оплошай». Но де Флор не заботило затруднение юноши. Она поймала его в сети, он ей нравился и уже очутился в ее гостиничном номере. Почему бы не потребовать у него ответа.

— Давайте-ка без уверток! Сколько, по-вашему, мне лет? Смелее. И не тревожьтесь. — Она спустила ногу с табурета и закрыла глаза, двигаясь по направлению к юноше. — Мне не в диковинку горькие разочарования.

— Она взяла его за руки. — Сколько?

— Да откуда же мне знать, солнце мое!..

— Смелости не хватает?

— Тридцать. — Он произнес это с закрытыми глазами, в плену собственной лжи.

Мари дель Об де Флор вздохнула и дважды расцеловала его так звонко, что по звуку поцелуев он догадался, что этой сеньоре с ангельским голосом, скорее всего, далеко-далеко за сорок.

— Хочешь, перейдем на «ты»? — решил он.

Смех певицы был похож на щебетание канарейки. Она повернулась к нему спиной. Обращаться друг к другу на «ты» — почти то же самое, что и раздеваться.

— Помоги мне расшнуроваться, пожалуйста.

Он весьма ловко с этим справился и заработал еще один поцелуй. В платье, спущенном до талии, в корсете, готовом лопнуть под напором груди, Мари дель Об де Флор, Орлеанский соловей, повернулась к нему и подошла вплотную:

— А теперь я тебя раздену. Что это такое?

— Медальон.

— Сними его.

— Я его никогда не снимаю.

— Сегодня снимешь. Я хочу всего тебя раздеть.

И Андреу снял медальон, подарок Терезы.

Казалось, эта женщина разжигает страсть силой воображения, потому что по выражению ее лица было ясно, что просто раздеть Андреу — для нее уже высшее наслаждение. В одних подштанниках Андреу почувствовал себя неуютно, и она это угадала.

— Давай я их сниму с тебя, *мон шер*.

Снимая подштанники, она наклонилась к нему и нежно проверила документацию.

— А ты... ты не будешь раздеваться? — еле выдавил из себя Андреу.

— Буду... но я люблю, когда рядом со мной обнаженный мужчина. — Она вздохнула. — В гостиных такого не увидишь...

— Ах! — дерзнул Андреу. — Во Франции...

— Во Франции, во Франции, — презрительно передразнила она. — Не верь всему, что говорят о Франции.

Она обняла Андреу за талию и подвела его к большому зеркалу, стоявшему у изножия кровати. Они застыли перед ним, как будто изображенные на этюде Тремульеса.

— Тебе не хотелось бы, чтобы нас так изобразили, *mon chouchou*?²⁵

— *Mon quoi*?²⁶ — застеснялся Андреу, потому что начал возбуждаться, а она и довольнехонька.

— *Mon quoiquoi*?²⁷, — сказала певица и начала искусно ласкать его. — Раздень меня, «Ква-ква»²⁸, — велела она.

Они не потушили ни одного из трех зажженных в комнате светильников, потому что мадам в эту ночь ласкала любовника и телом, и взглядом. «Ква-ква» получил возможность удостовериться, что Мари дель Об де Флор не только изумительная певица с ангельским голосом, нежным и сильным, но и виртуозная любовница.

— Кто этот сопляк?

— Кого вы имеете в виду, месье Видаль?

Господин Аркс, помощник театрального импресарио, в обязанности которого входило сделать пребывание артистов в Барселоне как можно более приятным, чувствовал себя крайне беспокойно, так как был весьма

наслышан о дурном характере пианиста, прожигавшего жизнь, сопровождая де Флор по слякоти путей Господних и дорог его величества.

— Этого молокососа, который сегодня вечером уселся играть вместо меня.

— А, Нандо Сортс! Это сеньор Жузеп Ферран Сортс. Композитор. Превосходный гитарист.

— И пианист.

Месье Видаль осушил бокал, и господин Аркс немедленно налил ему еще, чтобы не встречаться с ним глазами.

— У вас в течение года много гастрольных поездок?

— А ведь молодой еще. Сколько ему? Двадцать?

— Кому, месье Видаль?

— Мальчишке этому. Сортсу.

— Не могу сказать. Но да, он молод. А куда вы направитесь по окончании гастролей в Барселоне?

— Сразу видно, он большой знаток музыки. Вы говорите, он композитор?

— Мм... Да, да... Сочинил много пьес для гитары... И несколько лет назад написал оперу... Не помню, как называется, чужеземные какие-то имена, понимаете?

— Ах как интересно!.. Несомненно, мнит себя новоиспеченным Моцартом.

Он поднял бокал и залпом выпил его. Аркс воспользовался этим, чтобы переключиться на другую тему:

— Ах, месье Видаль, как бы мне хотелось побывать в Париже!

— Бьюсь об заклад, что с этим юнцом каши не сварить!.. По всей видимости, он такого о себе возомнил!

— Ах, Париж!..

И Аркс снова наполнил бокал месье Видаля, взгляд которого уже несколько остекленел. И осмотрелся по сторонам. Все столики были пусты, кроме того, за